

Slavica Helsingiensia 32

Juhani Nuorluoto (ed., под ред., Hrsg.)

Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North

Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера

Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens

Helsinki 2007

ISBN 978-952-10-4367-3 (paperback), ISBN 978-952-10-4368-0 (PDF), ISSN 0780-3281

Р.Ф. Касаткина

(Москва)

Псевдоартиклъ и предартиклъ в севернорусских говорах

Псевдоартиклъ. Статусу и функциям частицы *-то* в севернорусских говорах посвящено большое количество работ. Эта частица восходит к указательному местоимению **тъ*. В литературном русском языке и в большей части русских говоров в соответствии с историческим **тъ* употребляется частица *-то*, обычно квалифицируемая как выделительная. Во многих севернорусских говорах соответствующая частица изменяется по родам, числам и некоторым падежам, напр., *изба́-та, изба́-ту, в избе́-те, избы́-те (избы́-ти); дом-от, к до́му-ту, в до́ме-те, дома́-те (дома́-ти); боло́то-то, боло́та-та, к боло́ту-ту, в боло́те-те, боло́та-те (боло́та-ти)*.

В современных севернорусских говорах наблюдается отчетливая тенденция к замене всех этих форм одной формой *-то*, подобно тому, как это имеет место в литературном языке: *изба́-то, изба́-то, избы́-то; дом-то, к до́му-то, дома́-то* и т. д.

Данные о территориальном распределении изменяемой частицы *-то* в рамках Диалектологического атласа русского языка приведены на карте 12 «Постпозитивные частицы, восходящие к местоимению **тъ*, при именах» 3-го выпуска части 2 ДАРЯ (ДАРЯ III, 2004). По свидетельству этой карты, изменяемая частица *-то* занимает обширную территорию севернорусского наречия восточнее Волхова, Устюжны, а также окружающих среднерусских говоров восточнее Кашина, Калязина, Переславля-Залесского, Александрова. В западной части севернорусского ареала отмечены лишь единичные случаи употребления изменяемых частиц. Частотность употребления частицы в речи значительно больше в говорах Архангельской обл., по сравнению с вологодско-кировскими говорами. Вот примеры из двух

говоров Архангельской обл., которые характеризуются высокой частотностью употребления постпозитивной частицы:

*Утром встали, трубы-**ти** отворили, а рёву-**ту**, рёву-**ту** росполно́ у тюлёня-**та**, и робята-**ти** у нас побежали промышлеть-**то**, а ножика-**та** не́ взяли* (Приморский р-н, д. В.Золотица).

*Нынче **то** на большой **то** дороге ручей **то** у байны **то** у Павла **то** дома не текё сей гот* (Пинега, пример из (Трубинский 1970: 56).

По мнению А.И.Соболевского, высказанному им в (Соболевский 1907) частица *-от* (*-та, -то, -ту, -те*), функционирующая в севернорусских говорах, является «скудным остатком» определенного артикля (члена), свойственного некогда системе древнерусского языка. К оценке этой частицы в севернорусских говорах как постпозитивного артикля склонялись также и другие ученые старшей поры: М.Г.Халанский, А.А.Шахматов, П.Я.Черных, В.А.Богородицкий.

И в наше время, как отмечает В.И.Трубинский, «не окончательно еще развеяна иллюзия, будто в ряде севернорусских говоров она является не частицей, а членом» (Трубинский 1970).

Такое решение принималось на основании сходства фонетического облика двух сравниваемых лексем – севернорусской частицы *-от* и артикля *-ът* в болгарском языке, изменяемости обеих лексем (в болгарском языке – по родам и числам, а в севернорусских говорах – отчасти еще и по падежам), а также позиции в слове – постпозитивной. Действительно, в некоторых случаях наблюдается внешнее сходство севернорусского материала с болгарским. Севернорусские *горá-та, гóры-те, у́м-от* вне контекста воспринимаются сходными с болгарскими *горáта* (лес), *горíте, у́мът* (ум). В некоторых контекстах севернорусские частицы, окказионально выступая в анафорической роли, напоминают определенные артикли, напр., *Пойдите на площадь. Площадь-**ту** знаете?* Или *Там был сарай, она пошла в сарай-**то**.*

В болгарском языке в сочетаниях прилагательных с существительными, в тех случаях, когда в препозиции к существительному находится прилагательное, определенный артикль присоединяется к нему, а не к существительному: *горáта – зелéната гора* (зелёный лес). При двух предшествующих прилагательных артикль присоединяется к первому из них: *хубавата зелéна гóра* (красивый зелёный лес). Таким же образом обычно реализуются подобные словосочетания и в

севернорусских говорах: *горá-та* – *большáя-то горá*, *большáя-то зелёная горá*. Однако такие чисто внешние совпадения единичны, и в севернорусской речи встречаются указанные сочетания с другим порядком лексем: *большáя горá-то*, *большáя зелёная горá-то*.

В работах нашего времени точка зрения на севернорусскую постпозитивную частицу, высказанная А.И.Соболевским, продолжает находить сторонников. Так, (Лейнонен 1998; Стадник-Хольцер 2006) с позиций ареальной типологии исходят из положения, что в рамках евразийского языкового союза подобные постпозитивные частицы существуют во многих языках, но в каждом конкретном языке имеют свои особенности. В одних языках значение определенности, передаваемое постпозитивными частицами, выражено сильнее (напр., в северногерманских и балканских языках), в других слабее (в тюркских и уральских языках). К последней группе, по мнению этих исследователей, примыкают и севернорусские говоры, находящиеся в географическом соседстве и в контакте с языками северногерманской группы (норвежским, шведским), с одной стороны, и с языками уральской семьи, с другой (коми, удмуртским, марийским). Постпозитивные частицы в последней группе языков, как и в севернорусских говорах, по мнению этих исследователей, сочетают значения экспрессивности и определенности.

Согласно другой точке зрения, функция диалектной постпозитивной частицы *-от*, *-та*, *-то*... неотличима от функции частицы *-то* в литературном языке (Селищев 1939; Кузьмина & Немченко 1962; Трубинский 1970). А.М.Селищев писал: «...частицы [*от*, *та*, *ти*, *ту*, *те*] не имеют значения членных элементов, значения, свойственного болгарским *-ът*, *-та*, *-ту*, *-те*; русские *-от*, *-та*, *-то* имеют э м ф а т и ч е с к о е значение (*подчеркнуто мною* – Р.К.), а не значение определения называемого предмета... Роль этих частиц та же, что и частицы *-то*. ...С этими частицами употребляются не только имена нарицательные, но и собственные, не только прилагательные и местоимения, но и наречия» (Селищев 1939: 100). Как свидетельствует наш материал, с этими частицами употребляются и глаголы.

Ср. примеры из диалектных магнитофонных записей: частица *-то* при местоимениях: *Она здоровая была, меня-то выше. Вот Раиса всё знает, какой праздник, а я-то не знаю. А што ты Олёна к нам-то не*

привернула? Вот как мы-**то** работали, а сейчас-**то** леготá. Заместо дрожжей дак свой-**от** мел-**от** делают.

Частица **-то** при прилагательных: Ну дак другое-**то** я не знаю. Тогда ведь не было белой-**то** муки. А сильной северной-**от** вётёр. Крупу-**ту** парену-**ту** ладили. Мálеньки-**ти** вроде слушают. В свáлебной-**от** день молодую привозят сюда. Со всяе волости девки-**ти** встречаются с цожим-**то** робятам. При наречиях: Вода-**та** пойдёт вниз-**от**. Огурцы раньше-**то** не сажали. Топерь-**то** он старше стал, топерь-**то** всё забывáт, да болиет да; при глаголах: И страшно бежать-**то**. Вдруг подлетает вот сюда, а я ведь слыхала, что летают-**то** эти тарелки-**то** (из рассказа о летающих тарелках). И побежáли мы потом промышлеть-**то**. Приходили-**от**, да кланялись. Лён вецерáм всё трепали-**то**. Ткут вот эдак, щипают-**то** бёрдо. Кормить-**ся-то** ведь было надо, так я матрасов этих много продала. Эти половики труднее ткать-**то**. Как вот, попецкí-**то** (испечь) надо пирожка-**то**.

Однако безусловно преобладают примеры с постпозитивной частицей при существительных. В.И.Трубинский на материале архангельских говоров сделал подсчеты сочетаемости постпозитивных частиц с разными частями речи. Оказалось, что сочетания частиц с существительными составляют около 66% всех случаев, а сочетания частиц с другими частями речи – от 7 до 10 % случаев). Ср. примеры: Семьи-**то** большие раньше были. Снегом-**то**, водой разведёшь их, и тогда преснушки-**те** россы́пкие будут, хорошие. Дали какое-**то** хорошее лекарство, и вот этим натёрли ноги-**те**.

А я вот на сенокосе родилась: мать-**то** пошла косить, да говорит, что надо идти домой. Там был сарай, она пошла в сарай-**то** и родила. На другой день окрестили: церква-**та** рядом да. Бывало, и в пецке рожали, да в пецке-**то** тесно рожать, ну, на пецке-**то**.

Потом мукой натолкёт, овёс-**от**. Напекёт блинов, блины-**те** только лишь слетали. Крупу-**ту** парену-**ту** ладили, дак ити и наваря́т из крупы-**то**. Потом в эту дыру-**ту** так и текёт сусло-**то**. Чтобы с дробинам-**то** не текло сусло-**то**, берут мётлу. А хмель вот с хмельников-**то** оберут, да и подсушат. А как сусло-**то** уж сбежит, так эти дробины-**ти** на этот на квас делают.

У нас ведь нет молока-**то**, коровы-**то** нет, и козы-**то** нету.

Девки-ти в шляпках-то ходили со цветами, с перáми, в платьях-то шёлковых, это модницы-ти самые богатые. Бывало, и калоши наденут на ботинки-ти, форсистее это было.

Анализ материала показывает, что изменяемая постпозитивная частица может появляться в составе как тематической, так и рематической группы (а определенным артиклем обычно маркируется данное, тема, ср. ситуацию в английском, болгарском, итальянском, немецком языках).

Для того, чтобы частица играла роль артикля, необходимо соблюдение целого ряда условий как формального, так и содержательного плана. Формальные правила: 1) лексема, выступающая в роли артикля, должна сочетаться только с существительными; 2) она должна согласоваться в числе и роде со словом, к которому относится (для флективных языков).

В содержательном плане она должна выполнять функции определенного артикля, а именно указание на определенный, известный, выделенный из класса подобных объект. С точки зрения актуального членения определенный артиклъ обычно маркирует данное, старое, т. е. соотносится с темой высказывания, в то время как неопределенный артиклъ соотносится с новым, с ремой.

Занимаясь диалектами, невозможно полностью игнорировать специфику их речевой просодии. Особенно важным это положение представляется по отношению к частицам.

В русском литературном языке фразовая интонация, помимо основных своих функций – оформления разных коммуникативных типов (разного рода вопросов, побуждения, утверждения и т. п.) и делимитативной функции, может нести также и семантическую, и грамматическую нагрузку. Под семантической имеется в виду оформление тональными средствами коммуникативного центра (*Грачѝ прилетели; Бабушка приехала; и Грачи прилетѝли; Бабушка приѝехала*) и в зависимости от смещения этого центра изменение смысла высказывания.

Под грамматической функцией имеется в виду выражение категории определенности-неопределенности, т.е. роль, которую в артиклевых языках играют специальные лексемы – артикли. Следующие два высказывания: *Студѝнтка пришла* и *Студентка пришилѝ* различаются не только местом тонального акцента“, но и соотносением слова *студентка* со значением определенности-

неопределенности: в первом случае имеется в виду *некая, какая-то студентка*, во втором – определенный, ожидаемый человек (в артиклевых языках в таком случае был бы употреблен артикль *the, die, la...*). При этом в литературном языке возможна передача тех же значений с помощью лексических средств: **Какая-то студентка пришла** и **Студентка-то пришла** (или **Эта студентка пришла**).

Это результаты исследований Т.М. Николаевой, которая полагает, что такая многофункциональная роль интонации в русском литературном языке – результат совершенствования в процессе языкового развития (Николаева 1979).

В диалектной интонации, по нашим наблюдениям, семантическая и грамматическая функции интонации не получили должного развития. В более ранних наших работах было показано, что севернорусским говорам свойственно пословное мелодическое оформление высказывания. Набор интонационных средств в севернорусских говорах более скуден, чем в литературном языке. Фразовая интонация в них служит в первую очередь для оформления основных коммуникативных типов, а также выполняет делимитативную роль, отделяя тональными средствами не только синтагмы и фразы, но и каждое фонетическое слово: межсловные границы маркируются понижением тона. При таком характере интонирования возрастает роль лексических средств для создания эффекта смысловой выделенности того или иного фрагмента высказывания (Пауфошима 1983: 64–65; Касаткина 2005: 366).

Возможность сочетания изменяемой постпозитивной частицы с разными частями речи и появление ее в составе как тематической, так и рематической группы позволяет предположить, что она подобна просодическому средству, служащему для выделения коммуникативно важных фрагментов высказывания. Тем самым постпозитивная частица является вербальным соответствием фразовым тональным акцентам, действующим в литературном языке. В тех говорах, где наблюдается повышенная частотность частицы (в западных говорах архангельского ареала), она, скорее всего, играет ритмообразующую роль. Всё сказанное позволяет рассматривать постпозитивную частицу *-то* как псевдоартикль.

Предартикль. В языках и диалектах ряда славянских языков возможно существование лексического выражения категории

определенности на дограмматическом, дискурсивном уровне. В этих языках в роли определенного квази-артикла обычно выступают указательные местоимения (И.И.Ревзин употребляет для обозначения этой категории местоимений термин *местоимение-артикли* (Ревзин 1973: 130), а в роли неопределенного артикла числительное *один*. В настоящей статье в качестве рабочего термина для обозначения этих лексем предлагается термин *предартикли*. В разных славянских языках представлены разные степени приближенности к артиклевому состоянию. Так, в украинском, чешском, словацком, польском языках и их диалектах высоко развито употребление предартиклей на текстовом уровне. В этой роли в украинском языке выступают местоимения *той, тая, тое...*, *отій, ота, ото...* (Богородицкий 1935: 116–117; Матвиев 1962: 109–111), в польском, словацком – *ten, ta, to...* в чешском языке – *ten, ta, to...*, *tento, tato...*, *tenhle, tahle...* (Головачева 1979).

Впервые на существование артиклевой функции местоимения *этот* в русском литературном языке обратил внимание И.И.Ревзин. Он писал: «(местоимение) *этот* начинает употребляться в генерализующей функции, т. е. в значении, которое в ряде языков передается определенным членом и, как правило, только им. Все разнообразные проявления этого <...> значения можно объединить одним единым процессом: переходом из текста в систему языка, из синтагматики в парадигматику» (Ревзин 1973: 129).

Местоимение *этот, эта, это, эти*, обычно определяемое как указательное, в некоторых случаях в литературном языке по своему значению может приближаться к определенному артиклю, относясь, согласно определению И.И.Ревзина, к категории *местоимений-артиклей* (в нашей терминологии *предартиклей*) напр., *Это сладкое слово «свобода». Ох, уж эти мне романтики!* или *Как они хороши, эти прохладные ночи и теплые солнечные дни августа! Что за прелесть эти украинские народные песни!*

До сих пор не было отмечено, что указательное местоимение в функции артикла может употребляться и во многих говорах русского языка, о чем свидетельствуют результаты анализа больших корпусов устных диалектных текстов. В роли местоимения-артикла (предартикла) в одних русских говорах (преимущественно севернорусских и среднерусских) выступают лексемы *этот, эта,*

это... в других (южнорусских) – *той, тая, тое...*, в третьих (юго-западных) – *тот-то, та-то, то-то...*

Примеры из магнитофонных записей одного севернорусского говора (Вологодская обл., Харовский р-н, д. Полутиха): *Поварим, а тут заметём пецькю, закроем, оно у нас и прёт до вецера. К вецеру вынимаём, крошим мясо это и раскладываем опять по судам, по блюдам. Этот бульон розливаем: там уж по сколько будёт. Даже завяжешь ниткой, да этой тряпкой и всё равно пробку вышибет из склянки (о домашнем пиве). Тут как заломалосё, как эти кусты зачикали, заломалисё – а он (медведь) рядом был, в поскотине, видно. Вот мы возьмём это бельё, да замоцим; по-нашему буцили, в эту в кадку положим и буцим.. Ведь снацяла этого мыла и не было, да в эту в воду-ту сухой золы накладём. Мы с ёй людей знаем, мы знаем кто это горе переносит, кто эту радость взял (из рассказа о деревенских колдунах). Во всех этих примерах слова́ *бульон, лучи, кусты, кадку, мыло, радость* и *горе* не соотносятся с каким-либо antecedentом, они употреблены впервые, но их появление подготовлено предыдущим текстом.*

Итак, несмотря на явно выраженную тенденцию к «артиклизации» лексемы *этот, эта...* в говорах русского языка, наблюдается множество факторов, свидетельствующих о неустойчивости позиции этого «местоимения-артикля» даже на дискурсивном уровне. В его употреблении не наблюдается регулярности¹, его препозиционный статус нестабилен (возможна также и постпозиция лексемы, напр., *кадушка эта, зарево-то это* и др. в примерах из вологодского говора: *А гнёт надо хороший, чтобы кадушка эта, судно, не бежала ни грамма; Вдруг с горки появилось это, зарево-то это...*).

В приведенных фрагментах записей местоимение *этот (тот, тот-то)*, не будучи связанным с каким-либо antecedentом, эксплицитно представленным в предшествующем тексте, выступает в функции, которая в других языках передается определенным артиклем. Во всех приведенных примерах оно лишено дейктического значения.

И.И.Ревзин намечает несколько этапов в развитии процесса «артиклизации» местоимения *этот*: первым этапом можно считать значение определенности, возникающее в связи с тем, что некоторое

¹ И.Крамскому принадлежит следующая формулировка: различие между местоимением и артиклем заключается в том, что «местоимение лишь факультативно, тогда как артикль обязателен» (Крамский 1963: 18).

понятие предполагается всем предыдущим текстом. Вторым этапом является значение определенности, предполагающее некоторый другой текст, данному тексту предшествующий. «Третьим этапом является значение определенности, предполагающее не некоторый конкретный текст, а неопределенное множество текстов, устанавливающих одинаковую оценку соответствующих объектов говорящим и слушающим» (Ревзин 1973: 127).

Приведенные фрагменты диалектных записей свидетельствуют о том, что употребление в них местоимения-артикли соответствует разным этапам становления «артиклевого состояния» в языке. Тем самым типологически многие диалектные системы русского языка сближаются с системами украинского и западнославянских языков.

Литература

- Богородицкий 1935 = В. А. Богородицкий. *Общий курс русской грамматики*. Москва – Ленинград.
- Головачева 1979 = А.В. Головачева. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах. *Категория определенности- неопределенности в славянских и балканских языках*. Отв. ред. Т.М. Николаева. Москва, с. 175–203.
- ДАРЯ III, 2004 = *Диалектологический атлас русского языка*. Вып. III (часть 2). Синтаксис. Лексика. Москва.
- Касаткина 2005 = Р.Ф. Касаткина. Калейдоскоп частиц в русских говорах. *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой*. Отв. ред. В.Н.Топоров. Москва, с. 365–373.
- Крамский 1963 = И. Крамский. К проблеме артикли. *Вопросы языкознания* 4 (1963), с. 14–26.
- Кузьмина & Немченко 1962 = И. Б. Кузьмина & Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. III. Отв. ред. В.Г. Орлова. Москва, с. 3–32.
- Матвияс 1962 = И. Г. Матвияс. *Синтаксис займенників в українській мові*. Київ.
- М. Лейнонен 1998 = M. Leinonen. The postpositive Particle *-to* of Northern Russian Dialects, Compared with Permic Languages (Komi Zyryan). *Studia Slavica Finlandensia* XV. Helsinki, с. 74–90.
- Николаева 1979 = Т. М. Николаева. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. *Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках*. Отв. ред. Т.М. Николаева. Москва, с. 119–175.
- Пауфошима 1983 = Р.Ф.Пауфошима (Касаткина). *Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах*. Москва.
- Ревзин 1973 = И.И. Ревзин. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. *Проблемы грамматического моделирования*. Москва, с. 121–137.
- Селищев 1939 = А. М. Селищев. О языке современной деревни. *Труды МИФЛИ*, т V. Москва.

- Соболевский 1907 = А.И. Соболевский. *Лекции по истории русского языка*. Москва.
- Стадник-Хольцер 2006 = E. Stadnik-Holzer. Zur Frage nach der Herkunft der sog. postponierten Partikel in den nordrussischen Dialekten. *Slavica Helsingiensia* 27. Ed. J. Nuorluoto. Helsinki, с. 347–355.
- Трубинский 1970 = В.И. Трубинский. Об участии постпозитивной частицы *to* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров). *Севернорусские говоры 1*. Ленинград, с. 48–64.